

ОТ АВТОРА

Эта книга — взросление.

*И не только потому, что герои взрослеют
на страницах, превращаясь из шаловливых детей
в сильных духом взрослых. Но ещё и потому,
что вместе с этой книгой вырос автор.*

*Впервые я написала «Волчью тропу» в шестнадцать лет.
И была уверена, что создала нечто невероятное.*

*В двадцать нечто невероятное
пришлось хорошенько отредактировать.*

*В двадцать два стало ясно, что наивная история
требует ещё больше изменений...*

*Сегодня мне тридцать четыре,
и я написала «Волчью тропу» в шестой раз,
а количество редактур давно перевалило за десяток.*

*Знаете про парадокс Тесея? «Если все составные части
исходного объекта заменены, остаётся ли объект
тем же объектом?»*

*Ответить придётся вам. Одно могу сказать точно:
душа этой истории никуда не делась.*

*Ведь, коль станешь на волчью тропу,
обратно уже не воротишься.*

БАБУШКИНЫ СКАЗКИ

Волчья тропа

Кривая дорога

ДАХА
ТАРАТОРИНА

ВОЛЧЬЯ
ТРОПА

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т19

Иллюстрация на переплете *ANNAISE*

Иллюстрация на форзаце и внутри блока *Тсир*

Иллюстрация на нахзаце *Евгении Засименко*

Тараторина, Даха.

Т19 Волчья тропа / Даха Тараторина. — Москва :
Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-216092-9

Новая редакция!

Фроська всегда умела нажать неприятности. Вроде и не
напрашивалась нарочно, а они сами ее находили. Вот и объ-
явившийся в селении юный оборотень твердо решил, что
вырастет и женится на ней.

И вырос. И женился. Но приключения на этом только
начались...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-216092-9

© Тараторина Д., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Глава 1

О ЧЁМ ЭТО Я?

— **Д**а ну что ж с тобой делать будешь, тварь хвостатая?!

Крики тварь не смутили. Как, впрочем, и метла, коей я попыталась достать мерзавку. Мышь пробежала прямиком по босой ступне и юркнула в одну из бесчисленных щелей в полу. Пущенная вслед неугомонному зверю тарелка разлетелась вдребезги.

Сестра Любава при виде вредителей сиганула бы на печь, подобрав юбку, и ну голосить! Я же с малых лет трусостью и брезгливостью не страдала, так что устраивала засаду и охотилась за мышами вместе с толстым рыжим котом. Он, правда, больше глядел, а я ловила. Вот и повелось, что я Любку спасала то от всяческой живности, жучков да тараканов, то от ухажёров, что слишком настойчиво требовали её внимания. И вышла из меня ни девка, ни пацан, а так — смех один. Впрочем, быть своим парнем в компании мальчишек мне нравилось, а мать и сестра, взявшие на себя весь бабский труд, позволяли младшенькой дурёхе с утра до ночи носиться с друзьями по лесам. Вовремя смекнули: в доме от такой больше убытков, чем помощи. Оттого не вышло из меня доброй хозяйки.

Даха Тараторина

По малости никудышной была и, повзрослев, такой же осталась. Нынче сестра с матерью далеко, и по хозяйству заместо меня трудиться некому. А потому изба была — без слёз не взглянешь. В любой другой день по углам ключьями гуляла пыль, но не сегодня. Сегодня пол, стены и перевернутую мебель покрывала белая крошка, словно посреди лета вдруг выпал снег. А дело было так: наемни я ставила тесто на хлеб, а убрать мешок в кладовую собралась лишь сегодня. Приподняла маленько — и на! Подгрызенный мышью шов лопнул, мука взметнулась в воздух, я с испугу налетела на стол, а тот хрустнул и накренился, по полу разлетелись глиняные черепки от плошек да чашек. А мышь хвостом махнула — и была такова! Только россыпь чёрных точек помёта и осталась.

Хоть доски поднимай, чтобы достать мелкую дрянь! Я дала себе волю — грязно выругалась и наугад потыкала в щели осколком тарелки. Но деваться некуда: пришлось и пол вымести, и мусор собрать. Рукой махнула только на стол, его пусть благоверный чинит. Утёрла взмокший больше от злости, чем от трудов, лоб, да и рухнула, куда пришлось.

— Чтоб тебя!..

Пришлось аккурат на мешок с мукой.

Комната побелела вдвое против прежнего. Ну и пусть ей! Для семейного счастья чистота в доме вовсе даже и не главное. Главное... ну, муж заботливый. Жена сытая. И кот. С котом, положим, не сложилось: он территорию метил, и муж этого не стерпел. Зато с заботой повезло. Да и не у каждой бабы муженёк...

«ШКРУП-ШКРУП».

Помстилось?

«ШКРУП-ШКРУП...» — настойчиво повторил дверной косяк.

Волчья тропа

Я кинулась отпирать.

В избу ввалился здоровенный волк. Прижал уши. Где-то внутри широкой груди, под пушистой — рука увязнет! — шкурой зародилось недовольное урчание. Зверь не слизывал алеющие подтёки на морде, и те висели вязкими длинными каплями. Я дёрнулась — волк упреждающе рыкнул. Медленно протянула руку к мохнатому боку: проверить, от чьей крови слиплась тёмными сосульками шерсть? От своей? Чужой? Волк щёлкнул зубами в пяди от дрожащих пальцев и человеческим голосом проговорил:

— Не тронь, ещё запачкаешься. Принеси воду. И собери вещи — он нас снова нашёл.

После чего с чувством выполненного долга закатил глаза и завалился набок.

Приличная женщина завизжала бы. Приличная женщина упала бы в обморок. Приличная женщина хоть метнулась бы за водой. Приличная женщина не вышла бы замуж за оборотня.

Я приличной женщиной не была.

Да, не у каждой бабы муженёк — волк.

Глава 2

КАЖЕТСЯ, ЭТО СЛУЧИЛОСЬ ЛЕТ СЕМЬ НАЗАД

Мне тогда было не больше тринадцати зим. И мы — я, стриженная, похожая на мальчишку, и двое мальчишек по рождению — очень любили яблоки. Вернее, не сами яблоки, а возможность хорошенько обтрясти сад соседки Глаши. Тётки, надо сказать, вредной и сварливой. Яблок тех испокон веку у неё было пруд пруди. А к саду и на сажень никого не подпускала. Жалко, что ли? А жадность наказуема. Посему жадность и виновата в том, что урожая с деревьев соседка уже седьмое лето как собрать не могла.

Стоит, правда, упомянуть, что добрая половина нашего улова отправлялась в сточную канаву, потому как яблоки были кислющие и несъедобные. Но как сладок вкус победы!

Солнце палило нещадно, и даже самые ярые огородники с осоловелыми лицами коротали полдень в тени или в избе, потягивая ароматный квасок. Воздух одурело пах сухой травой, и редкие мошки, казалось, увязали в нём, как в сладком киселе.

Я выглянула в окно. Насколько хватало глаз, не было видно ни одного деревенского. Мальчишки либо не

Волчья тропа

сумели вырваться из-под строгого родительского надзора, либо уже затаились где-нибудь у воды, затевая хитрые каверзы. Без меня. И это срочно надо исправить!

Кособокие, как деловые старушки, домики жались друг к другу, будто собираясь обсудить последние сплетни. Некоторые стояли демонстративно поодаль, дескать, не дело слушать кудахчущих сплетниц. Но крыши, наострѣнными ушками нависающие низко над землёю, выдавали любопытство. В их тени деловито окапывались куры: распушали перья, прикрывали сонные глаза и наслаждались прохладой, идущей из вырытых крепкими лапами ямок.

Мама, Настасья Гавриловна, лениво перетирала в кухне собранную ещё до рассвета малину. Очень она любила раннее утро, когда кожей чувствуешь — день будет жарким, но покамест зябко, хоть накидывай на плечи платок. Вот и сегодня, проснувшись раньше солнца, матушка успела навестить любимую полянку.

Мало кто ходил к этому малиннику: его лучше всякого лешего охранял ров в две сажени, густо оцетинившийся крапивными зарослями. Мы с мальчишками на спор кидались в колючие кусты, и кожа потом нещадно чесалась. Маму же крапива не страшила. Она брала с собой толстые рукавицы и аккуратно, заботливо, стараясь не сломать лишнюю веточку, пробиралась к заветному малиннику. За заботу лес щедро одаривал её неизменно полным лукошком, и моя сестра — большая сластёна — с писком бросалась добытчице на шею, получая в откуп целую горсть.

Едва я ступила за порог, мама строго нахмурилась:

— Опять пакостить соседке побежала?

Даха Тараторина

— Я ненадолго! На вот столечко. — Я показала расстояние с булавочную головку между пальцами. — До саженки¹ и обратно!

— Иди уж. — Она махнула рукой. — Мне хоть яблочко принесите. Люблю кислые!

— Принесём! — крикнула я в закрывающуюся дверь, запоздало сообразив, что случайно выдала и себя, и друзей. Но, кажется, сегодня матушка добрая. Для виду, конечно, за волосы потреплет. Если попадусь. А нет, так и слова не скажет.

Глашу особенно не любили. А за что её любить? За то, что пересказывает слухи, не забыв добавить подробностей от себя? За то, что соседей друг перед другом поносит? Сколько сплетен поползло по деревне из-за вредной тётки, сколько случилось драк! А Глаша рада-радешенька, ещё и масла в огонь подливает! Даже старой Бояне, что когда-то слыла самой склочной бабой Выселок, не угнаться за соперницей. Потому и жалеть злостью никто не станет, пропади у неё яблочко-другое или хоть целая охапка.

По дороге сорвав пару слив с сизым налётом на крепких бочках, я перепрыгнула спящего у крыльца батю и припустила к калитке. Заявив, что в такую жару только сено сушить, он отдыхал, для виду придерживая точило и косу. Прибежит жена попенять за лень, а он и не спит, а при деле. Так, отдых глазам на долочку² дал — от яркого солнца слезятся. Да и отчего бы себя не побаловать? Первый лозоплёт не только на нашу деревню, но и на все соседние: проезжие купцы за честь считали зайти поклониться и разжиться товаром. Вона

¹ Небольшой водоём, в основном использующийся для полива огородов. (Здесь и далее — прим. авт.)

² Очень мало. В одной секунде аж 34,5 доли.

Волчья тропа

какую избу отстроил, ажно с отдельной светёлкой для нас с сестрой!

Сестра, кстати, сиднем сидела дома — варила очередное зелье. Вареву должно было сделать её писаной красавицей, хотя куда уж больше? Любаву не портили ни аляпистые платки, ни красные пятна на щеках, ни чёрнёные брови. Но девка всё не унималась и на сей раз намешивала вонючую дрянь, от которой не спасали настезь распахнутые окна. В городе, дескать, барышни мажутся какой-то сладкой водой, поэтому вторую неделю Любка настаивала землянику на пивных дрожжах. Мама требовала вывернуть месиво свиньям, зато батя ходил подозрительно довольный.

Дорога криво ложилась между домами, босые ступни увязали в лёгкой пыли, как в пуховой перине, а из-под пяток клубились маленькие тучки, ещё долго не желавшие оседать и превращаться в земную твердь. Воздух мало не жёг лёгкие, и я втайне жалела, что не осталась у прохладного печного бока перебирать малину. Ну или хотя бы не догадалась взять с собой флягу с водой.

Завернув за околицу, чтобы не делать крюк, я побежала прямо через луг и тоскливо заойкала: сено успели собрать в стога, а стерня укоризненно колола пятки.

От саженки шёл лёгкий душок, больше милый деревенскому сердцу, чем неприятный.

— Хей, пучеглазые! — Я радостно скатилась по склону к самой воде, застав мальчишек врасплох.

— От такой же слышим! — обиделся Петька.

— Мы уж решили, ты струсила, — прищурился Гринька. — В прошлом-то году тётъ Глаша мало не за руку тебя поймала.

— Ой-ой! Можно подумать, это она за мной гналась! Я тебя ж, дурака, выручала!

Даха Тараторина

— И ничего и не выручала... Я, может, и сам бы утёк...

Надо сказать, мои мальчишки были хороши. Петька — высокий, статный красавец. Сестра не раз говорила, что через год-другой у него от девок отбою не будет — таких русоволосых широкоплечих богатырей ещё поискать надо. А что глуповат малость, так то в хозяйстве даже пользительно. Гринька, приземистый и крепкий, не хуже друга. Ничуть не похожий на девчонку, в отличие от Петьки, он уже сейчас гордился парой волос, курчавящихся из подбородка. И напоминал бодучего бычка, из которого вскорости мог получиться как племенной бык — радость любой хозяйки, так и сытный ужин — тоже, в общем-то, неплохо. Но, как и всякий бычок, он не упускал возможности позадирать окружающих.

Петька по праву старшинства прекратил перебранку:

— Ша! Глаша на днях пса взяла. Я поглядел — злобный.

— Как хозяйка! — хихикнула я.

— Куда уж ему! — поддакнул Гринька.

— Злой ли, нет, не так важно. Всё одно на цепи наверняка, — заключил Петька. — Но лай подымет.

Гринька заметно взгрустнул. Одно дело озорничать безнаказанно, совсем другое — всерьёз рисковать задом.

— Да вы чего? — Я недоумевала, чего это мальчишки поскучнели. Ну собака. Эка невидаль! Да у каждого во дворе кобель, а то и два бегают. Не бояться ж теперь из дому нос высунуть. — Отломим ему краюху, погладим. Всё ж тварь живая.

— Живая — это да. А тварь — так вообще точно, — подтвердил Гринька. — Я мимо прошмыгнул мышкой, он как зарычит!

Волчья тропа

— Так ты небось палкой в забор барабанил, вот он и дёрнулся! — рассмеялась я. — К ним же лаской надо!

— Лаской... Тьфу, девчонка. — Гринька подбоченился, повторяя повадки отца, сурового деревенского головы. Провёл пока ещё хилой ладошкой сверху вниз по воздуху. — Палкой его — и дёру. Забьётся в будку и не вякнет.

— Так, изуверы! Животину обижать не дам!

— Что, трусишь?

— Да за вас, оболтусов, волнуюсь. Пёс руку кому-нибудь оттяпает — воплей будет! С псиной я разберусь, чего уж там. Гринь, вытащишь кусок хлеба? Тебе до дома по дороге.

Гринька важно кивнул.

— Кто там вообще? Сука? Кобель? Большой?

Друзья растерялись, и стало ясно, что, если страшного зверя они и видели, то очень издалека и лишь через плечо.

— Где сидит хотя бы? Будка есть у него? На цепи?

В ответ обиженное сопение. Я подозрительно прищурилась.

— Вы хоть краем глаза пса этого видели?

— Ну... — Петька угрюмо пнул кочку носком сапога. — Я с вечера ходил поглядеть, не обрубил ли Глаша нижние ветки у яблони. Не, только грозилась. Кто ж летом дерево калечить станет? Слышу: рычит. Да так утробно, зло... Ну я и... В общем, не стал напрашиваться. Но, видать, здоров пёс, раз тьявкать не бросился. Кто помельче да послабее точно бы залаял.

— Эх вы, лазутчики¹, — фыркнула я. — Пошли уж. Если просто мимо пройдем, ничего он нам не сделает. А повезёт, так и яблочек перехватим.

¹ Разведчики, ясное дело. Кто ж этого не знает?!

Даха Тараторина

Обычно мы втроём карабкались на тётъ-Глашин сарай. Там надкусывали кислющие первые яблоки и закидывали огрызками кур.

Но в тот год не свезло. Сначала всё шло как по маслу. Никакого пса во дворе и в помине не оказалось, ни когда мы бегом промчались мимо, ни когда чинно прогулялись, ни даже когда совсем уж внаглую перелезли через забор. Я высокомерно поджала губы и сама надкусила притащенный Гринькой пирог, мол, не пригодится. Но, подумав, половину приберегла и сунула в карман. На всякий случай.

Самая мелкая и лёгкая, я успела взобраться на дерево и скинуть пару яблок вниз, когда из смородины поднялась необъятная грозовая туча — тётя Глаша. Земля под её ногами сжималась от страха, ветер развевал юбку, как усы морских разбойников. Встречать я тех разбойников не встречала, только слышала, как взрослые баяли. Но была уверена, что все они обязательно усатые и непременно имеют суровый взгляд тёти Глаши.

Смачный плевок в сторону капустных грядок убедил: погибель на подходе и все уши нам сейчас обдерёт. Тётка пока ворюшек не заметила, но так грозно отрывала головки одуванчикам, что я уже чувствовала: меня ждёт такая же участь.

Стоило Гриньке с Петькой почуять опасность, их и след простыл. Размышлять о судьбах подлых предателей, тем паче орать вслед, я, конечно, не стала. Выбрав между позором и героической смертью, предпочла поглубже зарыться в листву, поджать ноги и зажмуриться от страха.

Уши горели в ожидании цепких пальцев. Сначала тётъ-Глашиных, а опосля маминых. Сколько раз она наказывала не доверять хитрым мальчишкам! Ничего,

